

Е. Н. Рогова

Кемеровский государственный университет

**Аспекты целостности
сборника Б. Акунина «Любовь к истории»**

Характер целостности сборника Б. Акунина «Любовь к истории» определяется как двойственный, направленный как на оцельнение текста, так и на его размыкание, открытость, связь с современностью, блоготворчеством в сети Интернет. В сборнике Б. Акунина важной является установка анекдота, связанная с противопоставленностью официозу, разрушением властного нарратива. В «Любви к истории» осуществляется вовлечение читателя в эстетический дискурс с помощью проведения исторических аналогий с фактами современной действительности, построения образа мира, в котором все взаимосвязано. Исторические миниатюры в целостное повествование объединяет образ автора-рассказчика. В статье делается заключение, что «Любовь к истории» является своего рода биографией, в которой анекдот создает иллюзию приближения к герою, непосредственного с ним разговора. Наличие образа рассказчика, изображение исторического времени в его связи с современностью, жанровые традиции анекдота, романа (дневника, эпистолярный) способствуют формированию более тесного единства, чем сборник, в некотором смысле речь идет о формировании метажанрового объединения. «Любовь к истории» Б. Акунина балансирует на грани между документалистским и художественным дискурсом, жанром анекдота и романским произведением с элементами исповедальности. Цепь анекдотов, частных историй, группирующихся вокруг личности рассказчика, создает обобщенную картину мира, истории, человека.

Ключевые слова: сборник, анекдот, роман, целостность, история, картина мира.

«Любовь к истории» Б. Акунина – сборник исторических миниатюр, отражающих результат функционирования Живого Журнала, блога, который ведет автор, Г. Чхартишвили, с 2010 г. В блоге Г. Чхартишвили видит «новую форму существования авторского текста», «прообраз грядущей литературы», «литературную экспериментальную площадку», «живой и многофункциональный носитель», в котором важную роль играют «иллюстрация, видеофрагмент, звук и соучастие читателей» [Акунин, 2012, с. 5]. О публикуемом произведении автор говорит как о совокупности коротких новелл, при этом замечает, что ему не трудно вообразить «роман, состоящий из эпизодов, в которых что-то нужно прочесть, а что-то увидеть и услышать» [Там же].

Рогова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и зарубежных литератур Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; leonid@kemsu.ru)

В предисловии к «Любви к истории» Г. Чхартишвили отмечает, что в сборник вошли не все тексты блога, а только те, которые соответствуют теме: «дней старинных анекдоты в авторской интерпретации и непременно с пояснением» [Акунин, 2012, с. 6]. Каждую публикацию в блоге, «пост», сопровождают комментарии, но в печатном варианте из сотен отзывов остается только ряд наиболее ярких, содержащих оригинальные или контрастные по отношению друг к другу суждения читателей. Переводя виртуальную форму общения в книжный формат, автор осознает, что открытость, подвижность текстового образования при этом утрачивается: «Конечно, в бумажном виде вся эта мобильная, несколько хаотичная форма виртуального бытия тускнеет. Похоже на стоп-кадр размахивающей руками... толпы... картинка неподвижна» [Там же]. Для автора важно подчеркнуть наличие изначального варианта функционирования текста как блога, адрес которого приводится в конце предисловия.

Б. Акунин, Г. Чхартишвили, избирает свою излюбленную стратегию (используемую, в частности, в «Кладбищенских историях»): творить на грани между высокой и массовой литературами, художественным и документальным дискурсами. В «Разъяснении», предваряющем «Кладбищенские истории» автор пишет: «...многое изменилось, “и сам, подвластный общему закону, переменялся я” – раздвоился на резонера Григория Чхартишвили и массовика-затейника Бориса Акунина, так что книжку дописывали уже вдвоем: первый занимался эссеистическими фрагментами, второй беллетристическими» [Акунин, Чхартишвили, 2004, с. 5]. В «Любви к истории» присутствуют элементы стиля эссе, беллетризация связана в сборнике с использованием историй анекдотического характера. Жанр анекдота вполне отвечает избранной манере повествования автора: «Биографический анекдот... результат двух типов культур: устной и письменной, и двух видов литературы: документальной и художественной» [Никанорова, 2001, с. 7]. Сопоставление рассказчиком в «Любви к истории» событий исторических с современными также соотносится со спецификой жанра анекдота, который «...воспринимается рассказчиками, слушателями и читателями в основном в качестве отражения их времени и мира переживаний» [Там же, с. 6].

Интерес представляет характер целостности сборника «Любовь к истории» Б. Акунина: что объединяет отдельные миниатюры, каковы пределы открытости созданного книжного текста, изначально запланированного как Живой Журнал, состоящего из исторического материала, предназначенного для того, чтобы «удивить, напугать, обрадовать, заставить задуматься» [Акунин, 2012, с. 5] и получить обратную связь с читателем. Переход из формата Живого Журнала в книжный позволяет увидеть специфику художественной целостности, имитирующей открытость интернет-текста. Под целостностью художественного произведения мы, вслед за В. И. Тюпой, понимаем: «...внутреннюю завершенность (полноту) и сосредоточенность (неизбыточность) художественного целого. Это означает предельную упорядоченность формы произведения (текста) относительно его содержания (эстетического объекта)» [Тюпа, 2008, с. 289]. Важно иметь в виду, что целостность сборника Б. Акунина «Любовь к истории» отчасти открыта (число анекдотов, гипотетически, можно увеличить или уменьшить), есть отсылка к блогу. Вместе с тем открытость, достигаемая наличием Живого Журнала на тему сборника, достаточно условная: «Единство целеполагания дает эффект взаимовлияния книги и блога на вербально-смысловом и визуальном уровнях» [Снигирева, Снигирев, 2013, с. 200]. Получается, что наличие блога, материалы которого помещены в основу «Любви к истории» в книжном варианте, ведет к своеобразному их объединению, т. е. замыкает два вида текстовых носителей в единое целое: «...оформление блога сделано под “акунинский бренд”...»; «ЖЖ становится еще одной стилизацией, автостилизацией атмосферы романов Акунина» [Там же]. В книжном тексте исследователи замечают взаимосвязь блога и сборника Б. Аку-

нина «Любовь к истории» [Снигирева, Снигирев, 2013, с. 200], в котором «сохранен принцип постов и комментов», «нет оглавления», присутствует «публичность» записей, напоминающих дневник. Т. А. Снигирева и А. В. Снигирев, анализируя бумажный и виртуальный варианты «Любви к истории» Б. Акунина, приходят к заключению, что эти тексты взаимодействуют «не по конфликтному принципу “или... или”, а по принципу взаимодополнения: “и... и”» [Там же, с. 199]. Исследователи, обнаруживая связи между блоготом и книжным сборником, все же замечают: «Книга “Любовь к истории” очень “крепко сделанная книга”, структура которой подчинена отнюдь не структуре блога, но направлена на создание иной целостности, связанной с задачей максимальной репрезентации авторского прочтения истории с неременной параллелью с современностью» [Там же, с. 202]. Получается, что интенции автора направлены как на размыкание целостности сборника, отсылают читателя к блогу, так и на его собранность, четкую организованность, сборник исторических миниатюр обладает текстовой упорядоченностью, скрепляющей материал в самостоятельное целое. Проанализируем характер этой упорядоченности.

Порядок «постов» в сборнике не произволен, некоторые анекдоты взаимосвязаны одной сюжетной линией, одной истории посвящено две записи (формируются микрогруппы текстов), одна из которых следует из другой («От толстых к тонким», «Красота по-японски»; «Утонуть в пустыне» и «Разгадываем загадки»; «Из князей в грязи (и обратно)» и «Нескромное обаяние аристократии»; «Странные японские начальники» и «И еще про камикадзе»; «Последний век дуэли» и «Дуэль как балет»; «Читая Шпеера» и «Наши – краше»; «Некоторые претензии к великому и могучему» и «Про “победумужество”: итоги дискуссии»). Композиционно каждая миниатюра (или пара взаимосвязанных тематически постов) заканчивается моральной «максимой», например: «...согласен с Михалковым: “так было раньше, так будет и впредь”» [Акунин, 2012, с. 31], «нет ничего нового под солнцем... что было, то же есть, еже будет» [Там же, с. 151].

Предисловие «Любви к истории», также способствующее оцельнению сборника, раскрывает намерение автора говорить о важном и существенном для него увлекательно, легко, отсюда и его название, – «Что за книжка» (не нейтральное слово «книга», но разговорное «книжка» указывает на неформальность общения автор – читатель). Авторская оценка по отношению к изображаемым событиям, предвещающая сборник, вносит дополнительный смысловой нюанс в заглавие (отчасти пафосное) «Любовь к истории»: в историческом процессе его интересуют сугубо анекдоты и возможность их интерпретировать. Избранная автором направленность повествования, основанная на комментировании исторических анекдотов, имеет давнюю традицию.

Интересно, что «Любовь к истории» Б. Акунина при подчеркнутой связи с современными материальными носителями, новой формой бытования текста в виде блога содержит черты историко-беллетристического жанра, восходящего к античности. Сборник Б. Акунина, как и античные сборники исторических анекдотов, преследует цель приносить пользу, просвещать, наставлять и развлекать. В основе своей структуры сборник Б. Акунина может быть соотнесен с жанровым составом «Апофегмат» XVIII в. («поступки», «разговоры», «вопросы и ответы»), ориентированного на античные традиции. На этом схожесть исторических миниатюр Б. Акунина со сборниками исторических анекдотов не исчерпывается. Жанры анекдота и апофегмы, считает Е. К. Никанорова, приходят в литературу в первые века нашей эры из историко-повествовательной и мемуарной прозы, достигая расцвета в поздней античности, «стремление к популяризации историко-философских и литературных знаний... привело к возникновению литературы особого рода... научно-художественной... Руководящим принципом этой литературы, рассчитанной на самого широкого читателя, на любителя-дилетанта, становится

формула “польза и удовольствие”, в силу которой полезные в познавательном отношении факты излагаются в занимательной форме» [Никанорова, 1984, с. 7]. Основными темами русского сборника «Апофегмата» Б. Будного, основанного на текстах исторических анекдотов античных сборников, являются темы власти, мудрости, ума, воспитания [Там же, с. 9]. Сборник Б. Акунина и в тематическом отношении вторит традиции сборника историко-беллетристических анекдотов, рассказчик «Любви к истории» обращается к темам власти, ума, воспитания, выбора частного человека в истории, теме нравственного поведения и ответственности личности в любую эпоху. «Вопросы и ответы» в «Любви к истории» также связаны с жанровой традицией сборника анекдотов, а не только с блоготом в Интернете.

Пути беллетризации анекдота в произведении Б. Акунина близки способам беллетризации в сборниках исторических анекдотов античности: «введение диалога», «драматизация событий», «использование сравнения или контраста в описании характеров», «объединение ряда анекдотов в законченный сюжет» [Там же, с. 12–13]. Образ «благородного мужа», рассказчика, в сборнике Б. Акунина напоминает образ «истинного героя» [Там же, с. 11] переводных сборников античности. Сборник Б. Акунина «Любовь к истории», таким образом, примыкает к традиции исторического анекдота XVIII в. (основанного на античных образцах жанра), исторической беллетристики XIX в. (С. Н. Глинки, А. С. Пушкина, И. И. Лажечникова, Н. А. Полевого, Н. В. Кукольника) [Там же, с. 13].

В сборнике Б. Акунина присутствуют черты разных жанров. Т. А. Снигирева и А. В. Снигирев, например, говорят о наличии в «Любви к истории» анекдота, пересказа труднодоступной книги, жанровых традиций казуса, травелоги [2013, с. 200]. В «Любви к истории» находит отражение феномен взаимосвязи анекдота и дневника, исповеди, эпистолярного жанра, эссе, исторического романа. Автор обращается к многочисленным и разнообразным событиям прошедших эпох, анекдотам, которым соответствует следующее определение жанра: «рассказ, передающий интимную страницу биографии исторического лица, яркий эпизод, острое изречение» [Тамарченко, 2008а, с. 22]. Возможность сопоставления сборника анекдотов Б. Акунина «Любовь к истории» с романом связана с интересом данного жанра к частной жизни, ориентированного на двойственную стратегию открытости и завершенности, напоминающего совокупность анекдотов, историй о судьбе героя. Предисловие к «Любви к истории» Б. Акунина напоминает предисловие в романе «Хроника времен Карла IX», в котором П. Мериме пишет: «В истории я люблю только анекдоты, среди анекдотов же предпочитаю те, где, представляется мне, есть подлинное изображение нравов и характеров данной эпохи» [1995, с. 53]. Анекдот о частной жизни дает изображение человека, эпохи более верное, по мнению автора, чем исторический труд. П. Мериме в предисловии подчеркивает, что ему интересно сопоставить нравы прошедшей эпохи с современными, чтобы ответить на вопрос: «лучше ли мы наших предков?..» [Там же, с. 54]. В сборнике Б. Акунина проводится сопоставление исторических событий и современной автору и читателю эпохи, что характерно для жанра анекдота и для изображения времени исторического романа: «...изображенный момент прошлого освещается из другого времени и через многообразные сопоставления времен... Вторым членом сравнения может быть при этом... настоящее автора и читателя...» [Тамарченко, 2008б, с. 89]. Как считает Н. Д. Тамарченко, для исторического романа характерно столкновение интриги с логикой Необходимости, понятие Рока, провидения, случая, проблемы трагической вины и ответственности [Там же]. «Любви к истории» присущи выделенные черты исторического времени (автор-рассказчик проводит аналогии между фактами, событиями прошедших эпох с современностью), для сборника актуальны темы Рока («Черный юмор судьбы» [Акунин, 2012, с. 40]), ответственности.

В сборнике Б. Акунина исторический анекдот вводится в русло реальной жизни (автора, читателя), что, как пишет Е. Курганов, формирует «рамку, вычерчивающую общие границы произведения» [1997, с. 68]. Связь с современностью в «Любви к истории» прослеживается через упоминание современных событий, имен политических (В. В. Путин, М. Ходорковский, Б. Березовский), культурных деятелей (Н. С. Михалков, Жанна Бичевская, Джоан Баез), фактов мировой общественной жизни. Каждый анекдот-пост сборника Б. Акунина содержит комментарии читателей. В постах дается оценка происходящего в измерении читательского времени, проводятся параллели с давно прошедшими и недавними событиями. Выводы из проводимых аналогий рассказчик делает разные, но всегда соответствующие логике образа «благородного мужа», верного своим жизненным принципам, о которых говорится в конце сборника вполне определенно [Акунин, 2012, с. 276–277]¹. Данный образ соотносится с четкой нравственной позицией, что делает возможным в «Любви к истории» наличие нравоучительных выводов: «Судьба политкорректных начинаний Цунаеси – отличная иллюстрация к теме о несовместимости прекрасных намерений с непрекрасными методами» (с. 220). Рассказчик оценивает описываемые события, факты, личности, например: Приюданс Пезе называет «классической социопаткой» (с. 36); пришедших на смену железным революционерам вице-вождей характеризует как «...меринов, волгов и борзов с не вызывающей сомнений пухлой внешностью и характерно несамцовской жировой прослойкой» (с. 91); господин де Морес называется «редкостным болваном» (с. 149).

В «Любви к истории» формируется эмоциональный портрет рассказчика с его нравственными приоритетами: «Как же я люблю истории про безусловно положительных героев, и чтоб еще с хэппи-эндом!» (с. 113); «хочу поподробней, прямо-таки с умилением, рассказать об одной... дуэли двадцатого века... тут каждая деталь – прелесть» (с. 103). Рассказчик требователен к себе и к окружающему миру, в посте о самоубийстве японского адмирала Матомэ Угаки он иронизирует над теми, кто считает чувство ответственности за смерти подчиненных дикостью: «Для проштрафившегося министра или главы обанкротившейся компании стандартом поведения считается взять вину на себя. А не валить ее на подчиненных. Ну не дикари, спрашивается?» (с. 118).

В «Любви к истории» образ автора-рассказчика, обладающего литературными, нравственными предпочтениями, способствует стратегии объединения отдельных историй анекдотического характера в единое целое: «Исторические микроновеллы... образуют ряд... При этом главной эстетической задачей становится достижение эффекта кажущейся произвольности при внутренней структурированности. Да, каждый отдельный сюжет вполне самостоятелен, но... сюжет освещен образом автора. Образ этот предполагает определенный принцип отбора материала, он цементирует россыпь текстов, каждый из которых вполне отделен» [Курганов, 1997, с. 65]. Переписка с читателями выполняет функцию создания ситуации, делающей появление серии анекдотов мотивированной. Автор задает тематическое русло появляющихся анекдотических историй и сам выступает основным «скрепляющим центром» гнезд [Там же, с. 52] анекдотов: «Контекст личности героя или автора-рассказчика-героя... определяет во многом стилистику цикла, его внутреннюю атмосферу, помогает расставлять необходимые эмоционально-психологические акценты...» [Там же, с. 57]. В сборнике Б. Акунина выстраивается динамика мировоззрения и ретроспектива жизни рассказчика, который, в очередной записи, давая оценку уходящей эпохе, говорит о своей молодости, как исторической составляющей: «Подумать только, произошло это... в то самое время, когда я, пятиклассник с московской окраины, почитал поединки безвозвратно ушедшей

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

старинной» (с. 102). Важной особенностью самохарактеристики Б. Акунина является самоирония: «вот... какой я молодец, даже в минуту опасности способен иронизировать» (с. 154), но четкость границ заданного образа сохраняется. В «Любви к истории» жизнь рассказчика становится материалом для биографического анекдота: «В общем, как пишут в романах, шли годы. И вот их прошло без малого сорок, гастрольный тур JB случайно пересекся с моим вакационным маршрутом (а мне-то уже вдвое больше, чем ей было тогда), и пошел я на концерт...» (с. 177). Самооценка рассказчика демонстрирует динамику моральных принципов: «В начале своей писательской жизни на любые вопросы, не касающиеся непосредственно моих книг, я принципиально не отвечал – говорил: “не знаю”. Со временем я пообтесался, смирился и теперь исправно отвечаю: смысл жизни в том-то и том-то; любовь – это вот что; ученье – свет; жизнь прожить – не поле перейти, ну и прочее подобное» (с. 275). В конце сборника присутствуют «Приложения» («Голосовалки») и «Вопросы и ответы» («Вопрос недели. Идеал мужчины», «Опрос. Идеал женщины», «Опрос. Кто у нас герой», «Вопрос недели: вы-то как думаете?», «Ваше отношение к бессмертию»). «Голосовалки» и «Вопросы и ответы» позволяют расставить необходимые акценты в образе рассказчика, его мировоззрении. Читатель узнает, что повествующему важно «понять, что ты умеешь делать лучше всего на свете, и заниматься только этим (я пока еще в поиске)... Бережь себя. А это значит: не делать ничего такого, за что потом будет перед самим собой противно... Когда ты не двигаешься вперед и вверх, ты сползаешь назад и вниз» (с. 277). Рассказывающий анекдоты в «Любви к истории» говорит о своем отношении к любви, возможности процветания России, религии: «Я живу в сознании, что все проблемы должен решать сам, помощи ждать неоткуда, каяться не перед кем... Ошибался Иван Карамазов, когда сказал: “Если Бога нет, все дозволено”. Никто с тебя за подлость не спросит строже, чем ты сам» (с. 288). Читатель уверяется в том, что рассказчик «космополит» (с. 281), сторонник прогресса (с. 289) и «трансгуманист» (с. 290).

Для сборника миниатюр свойственно единство стиля: афористичность, использование разговорной лексики: «Элементарно, Ватсон», «взяли голубчиков на Хитровка» (с. 9), «наплел белиберду» (с. 10), «показывали в зиллионный раз» (с. 13), «давеча цитировал» (с. 32), «произошло это рубливо» (с. 103). В исторических миниатюрах употребляется иностранная лексика: английская (all right, undercover agent (с. 14)), французская («Mais taisez vous M., le Marechal» (с. 62)), японская («ину-мэцукэ» (с. 23)). Для стиля «Любви к истории» характерно наличие многочисленных литературных, песенных, кинематографических, фольклорных цитат, перед читателем предстает образ эрудированного повествователя, полиглота, япониста, писателя исторических детективов.

Рассказчик выступает как «благородный муж», «лучше всего умеющий составлять буквы», «придумывать всякие штуки», (с. 290), рефлексировать по поводу своего отношения к воспроизведению истории в искусстве: «Поскольку я сам без конца выдумываю людей и сюжеты, которых никогда не было, и выдаю эту фикцию за исторические романы, во мне глубоко укоренено иррациональное недоверие ко всем произведениям искусства, изображающим персонажей и события прошлого» (с. 159). Рассказчик, хоть и отказывается называть себя писателем, занимается тем, что, как известно читателю, пишет произведения о Фандорине, отсюда в «Любви к истории» тема творчества, открытие части писательского процесса. В сборнике присутствуют, например, посты, посвященные прототипам романов Б. Акунина, а также прототипам, которым отказано от этой «честь» из-за крайней нелицеприятности их поступков. Например, герой одного из постов, Штейфон, участвовавший в расстреле евреев, получает четкую оценку повествователя: «...расстреливать евреев своим солдатам не мешал... И решил я, что этого голливуда мне не надо. Демобилизовал, в общем, Штейфона из прототи-

пов» (с. 245). В «Вопросах и ответах» в конце сборника рассказчик определяет свое отношение к истории как к вымыслу – художественному, субъективному изображению: «У меня в блоге исторических знаний, пожалуйста, не ищите... Мои посты на самом деле не столько про историю, сколько про мысли и ассоциации, которые у меня возникают при чтении» (с. 284).

В «Любви к истории» Б. Акунина читатель узнает о писательском кредо рассказчика, его представлении о творчестве: «Искусство, в моем понимании, это всегда нечто новаторское, небывалое прежде, царапающее нерв – если угодно, провокационное. В этом смысле произведение искусства и вечность несовместимы. Культурное наследие и вечность – да. Безусловно. Для меня проявлением беспримесного искусства является японское мастерство делать цветы из дыма» (с. 286). Рассказчик считает необходимым дать себе оценку, соответствующую образу «благородного мужа»: «Я космополит, поскольку охотно... впитываю любые новшества. Я патриот и даже империалист в том, что касается экспансии русской культуры...» (с. 281). Беллетрист задает открытость темы собственного образа: «Просто буду писать другое и иначе... А иногда, если захочется вспомнить старое, то и в прежнем амплуа, может быть. Что-нибудь сделаю... Я не стою на месте, я меняюсь, перестраиваются интересы. Это нормально» (с. 287). Кредо рассказчика-писателя: «Раз уж так вышло, что я стал писать, пускай это и станет моим Путем. Может быть, он выведет меня туда, куда нужно» (с. 290), – открытость образа творца, его подвижность связана с динамикой процесса письма.

Таким образом, аспекты целостности «Любви к истории» Б. Акунина могут быть соотнесены с двойственной авторской стратегией, направленной на оцеление текста и на его размыкание, открытость, связь с современностью, блогем в сети Интернет. Для сборника Б. Акунина характерна определяющая установка анекдота, связанная с противопоставленностью официозу, разрушением властного нарратива. Воздействие на читателя в «Любви к истории» осуществляется с помощью проведения исторических аналогий с фактами современной действительности, построения образа мира, в котором все взаимосвязано («анекдот... учит пониманию того, что мелочей не существует, что мир един и целостен...») [Курганов, 1997, с. 61]). Образ автора-рассказчика объединяет исторические миниатюры в целостное повествование. «Любовь к истории» – своего рода биография, а анекдот создает иллюзию приближения к герою, непосредственного разговора с ним. Наличие в сборнике Б. Акунина образа рассказчика, изображение исторического времени в его связи с современностью, жанровые традиции анекдота, романа, дневника, эпистолярный способствуют формированию более тесного единства, чем просто подборка исторических миниатюр, в некотором смысле речь идет о формировании метажанрового объединения. «Любовь к истории» Б. Акунина балансирует на грани между документалистским и художественным дискурсом, жанром анекдота и романским произведением с элементами исповедальности. Цепь анекдотов, частных историй, группирующихся вокруг личности рассказчика, создает в сборнике Б. Акунина обобщенную картину мира, истории, человека.

Список литературы

- Акунин Б.* Любовь к истории. М., 2012.
Акунин Б., Чхартушвили Г. Кладбищенские истории. М., 2004.
Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997.
Мериме П. Хроника времен Карла IX // Мериме П. Соч.: В 3 т. М., 1995. Т. 1.
Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII в.: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.

Никанорова Е. К. Малые жанры историко-повествовательной прозы в русской литературе XVIII века (анекдоты и апофегмы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Снигирева Т. А., Снигирев А. В. Борис Акунин. «Любовь к истории»: между книгой и блогом // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX – XXI веков: направления и течения. 2013. Вып. № 2. С. 198–206.

Тамарченко Н. Д. Анекдот // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008а. С. 22.

Тамарченко Н. Д. Историческое время // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008б. С. 88–89.

Тюпа В. И. Художественность // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 288–290.

E. N. Rogova

Aspects of the integrity of B. Akunin's collection of stories *Love of History*

The nature of integrity in B. Akunin's collection of stories *Love of History* is defined as ambiguous, directed both at integrating the text and at disintegrating it, at openness, connection with modernity, with Internet blog. Essential in B. Akunin's collected stories is the aim of the anecdote connected with the opposition to officialdom and with the destruction of the dictatorial narration. The reader is involved in the aesthetic discourse via drawing historical analogies with facts of modern reality, creating an image of the world in which everything is interconnected. Historical miniatures are united into a cohesive narration by the image of the author-storyteller. The paper draws the conclusion that *Love of History* is a biography of sorts, in which the anecdote creates the illusion of approaching the hero, of a direct conversation with him. The presence of the image of a narrator, the depiction of a historical time in its connection with modern times, the genre traditions of an anecdote, a novel (a diary, an epistle) contribute to the formation of a more cohesive unity than a collection; in a way, a metagenre unity is formed. *Love of History* balances on the border between documental and belletristic discourse, the genre of anecdote and novel with elements of confession. A chain of anecdotes, particular stories grouped around the personality of the narrator creates a generalized picture of the world, history and man.

Keywords: collection of stories, anecdote, novel, integrity, history, world outlook.